

© 2024 г.

А.В. НОСКОВА, Д.В. ГОЛОУХОВА, Е.И. КУЗЬМИНА

СТАТУСНЫЕ ПОЗИЦИИ И НАУЧНЫЙ КАПИТАЛ УЧЕНЫХ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

НОСКОВА Антонина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор (a.noskova@inno.mgimo.ru); ГОЛОУХОВА Дарья Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент (d.v.goloukhova@inno.mgimo.ru); КУЗЬМИНА Елена Игоревна – кандидат социологических наук, старший преподаватель (e.kuzmina@inno.mgimo.ru). Все – кафедра социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Аннотация. Исследуется распределение научного капитала и статусных позиций ученых в российской науке. Проблема неравенств в научной среде особо актуальна в новых условиях накопления научного капитала в связи с требованиями к открытости научных исследований и с широким использованием социальных научных сетей. Теоретико-методологическая рамка исследования основана на идеях Р. Мертона о дифференцированном накоплении преимуществ в науке и П. Бурдьё о характере доминирования в поле науки и значимых в науке формах социального капитала. Приведены результаты онлайн-опроса российских ученых (N = 551), цель которого – выявление зон разрывов и противоречий внутри поля российской науки. На основе интегральных индексов научного статуса выделены три категории ученых с разными научными позициями (высокой, средней и низкой), определены их социально-демографические характеристики. Раскрыто дифференцирующее значение чистого и институционального научного капитала. Выявлены противоречия между формально-статусным доминированием и доминированием в производстве передовой научной информации; формальными характеристиками научного статуса и субъективными, такими как показатели «отдачи» от накопленного научного капитала. Сделано предположение, что устранение выявленных противоречий средствами научной политики может способствовать развитию потенциала российской науки.

Ключевые слова: поле российской науки • научный капитал • неравенства в науке • научные статусные позиции • эффект Матфея • социальные связи в науке • доминирование в науке • потенциал российской науки

DOI: 10.31857/S0132162524010087

Проблема исследования. В сфере науки, как в любой социальной сфере, имеется социальная иерархия и социальная дифференциация, и, следовательно, проявляются свои формы неравенства. Проблема академических неравенств, неравномерного распределения преимуществ и статусов в научных сообществах, изначально сформулированная в социологии Р. Мертоном как эффект Матфея в науке [Merton, 1968; Мертон, 1993, Батыгин, 2001], нашла методологическое приращение в подходе П. Бурдьё к проблеме оценки значимости

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022).

символического капитала в поле науки [Бурдые, 2018; 2005]. В эмпирическом плане эта проблематика получила развитие в исследованиях разных аспектов неравенств между учеными: материального [Володарская, Киселева, 2001], гендерного [Rossiter, 1993], коммуникативного [Прайс, 1976; Прайс, Бивер, 1976; Крейн, 1976], социального аспекта, связанного с научным и моральным авторитетом ученого [Merton, 1968; Мертон, 1993; Бурдые, 2018].

Ныне проблема статусных различий между учеными актуализируется в связи с цифровыми, коммуникативными и другими условиями функционирования науки, а также в связи с требованиями открытости и доступности сведений о научной деятельности [Bultitude, 2011; Гримов, 2022]. Новая повестка расширяет контур научных исследований неравенств в науке. Широко исследуются неравенства в сфере цифровых компетенций исследователей [Носкова и др., 2022], значение которых для обретения учеными более высоких статусных позиций усиливается [Bultitude, 2011; Гримов, 2022].

Авторы поднимают вопрос о разработке теоретико-методологической рамки, позволяющей социологам наиболее полно изучать усложняющиеся неравенства в научной среде и выявлять условия, способствующие их сокращению. В статье представлены и проанализированы результаты исследования, валидирующие предложенную методологию. Его целью стало обозначение зон разрывов и противоречий внутри поля российской науки. В соответствии с концептуальным замыслом решались задачи, связанные с определением статусных позиций ученых, значимых для российской науки видов капиталов (институциональный, цифровой, коммуникативный), а также факторов, которые, помимо собственно вклада в науку, дифференцируют ученых с разными статусными позициями. Особый акцент сделан на соотношении статусных научных позиций, определяемых через формальные показатели (ученая степень, стаж научной работы, уровень цитируемости), с субъективным восприятием научной позиции, оцениваемой через показатели «отдачи» от соответствующего капитала, имеющегося у ученого.

Теоретические аспекты исследования. При разработке исходной концепции эмпирического исследования использовались идеи Р. Мертона о дифференцированном накоплении преимуществ в научном сообществе [Merton, 1968; Мертон, 1993], а также их интерпретации [Батыгин, 2001; Неделевская, 2023]. При этом теоретическая основа строилась на положениях П. Бурдые о поле науки и процессах распределения статусных позиций внутри этого поля [Бурдые, 2001; 2005; 2018].

Бурдые обосновывает свою исследовательскую линию в полемике с Р. Мертоном о функциях и предназначении науки. Мертон исходит из принципов структурного функционализма, в соответствии с которыми наука – социальный институт со своими правилами, нормами и целью, заключающейся в поиске и установлении истинного знания и в его продвижении [Мертон, 2006: 750–781]. Обращаясь к методологии поля и капиталов, Бурдые фокусирует внимание на процессах структурирования пространства статусных позиций посредством взаимодействия и борьбы агентов в сфере науки за обеспечение признания их научной продукции и за накопление специфического для данного поля капитала. Поле науки наделено особыми законами и собственными правилами игры, ставкой в которой становится научный авторитет [Бурдые, 2005: 474]. Борьба за научный авторитет «расчерчивает» поле науки, дифференцируя индивидуальных и коллективных агентов на две категории – доминирующие и доминируемые. Доминирующие занимают самые высокие статусные позиции, определяют правила функционирования научного поля [Бурдые, 2005: 480], задают правила игры, становясь флагами приоритетных исследовательских тем.

Позиции агентов, согласно Бурдые, определяются накопленными капиталами. Особую значимость приобретают специфические виды капиталов – ресурсы, которые имеют для данного поля наивысшую ценность. Для науки специфическим видом капитала является капитал научный. Структура научного капитала определяет структуру научного поля, а также влияет на стратегии агентов [Бурдые, 2005: 486]. Научный капитал имеет два основных проявления через две формы власти – политической (институциональной) и специфической (индивидуального престижа) [Бурдые, 2001: 65]. Институциональная

власть соотносится с накоплением *институционального капитала* и достигается через формальные статусные позиции – должности, участие в репутационных мероприятиях, через власть над средствами научного производства. Специфическая власть основана на получении признания среди других ученых и связана с накоплением «чистого научного капитала» [там же: 66]. Для накопления двух видов научного капитала (институционального и чистого) агенты могут использовать автономные друг от друга стратегии, однако сбалансированное накопление этих двух видов научного капитала является сложной задачей [там же]. Приобретение институционального научного капитала требует от ученого вложения временного ресурса в расширение сети своих профессиональных контактов. Приращение чистого научного капитала сопряжено с ростом научного авторитета путем повышения уровня признания вклада ученого в науку. Большое значение имеют публикации в престижных изданиях, позволяющие ученому нарастить его *символический капитал*, являющийся проявлением научного капитала.

Научный капитал Бурдые соотносит и с *социальным капиталом*, то есть с социальными и профессиональными связями ученых как ресурсами для получения различных выгод и для его конвертации в другие виды капитала. Этот аспект научного капитала задает автономность поля науки, так как ученый (и научный коллектив) достигает признания ценности своего научного результата лишь через других ученых.

Пристальное внимание Бурдые уделил полю университета – особому месту борьбы обладателей научных статусов за доминирование. В университете структуризация статусных позиций представлена как сложный процесс сочетания капиталов и факторов [Бурдые, 2018: 82]. Среди них: социальный и культурный капиталы; капитал университетской власти (принадлежность к определенному высшему учебному заведению, наличие руководящей позиции); капитал научной власти (руководство научным коллективом, научным журналом); капитал научного престижа; капитал интеллектуальной известности (участие в телевизионных передачах, упоминание в газетах, журналах, статьях); политические диспозиции в широком смысле (участие в политических партиях, движениях) и др.

Применение теоретических положений П. Бурдые дает возможность исследовать поле российской науки, объединяя изучение статусных позиций ученых посредством аккумуляции чистого научного капитала и институционального капитала с иными видами капиталов, значимыми в меняющихся условиях производства и распространения научного знания (цифрового или сетевого капитала).

Данный подход лег в основу разработки методологии и инструментария эмпирического исследования «Научный капитал российских ученых в контексте распространения новых технологий», проведенного сотрудниками кафедры социологии МГИМО МИД России при участии Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ).

Методология эмпирического исследования. В сентябре – октябре 2022 г. нами проведен онлайн-опрос российских ученых ($N = 551$). Использована квотная целевая выборка. При отборе контролировались: ученая степень, профиль специальности, региональная принадлежность респондента. Выборка репрезентативна по распределению ученых степеней и региональному распределению: в соответствии с данными Росстата 50% ученых представляют Москву и Санкт-Петербург, 50% – другие регионы¹. Опрашивались специалисты в возрасте от 25 лет до предельных старших возрастов, имеющие ученые степени и занимающиеся научной деятельностью, что подтверждалось их участием в исследовательских проектах и научными публикациями за последние два года. Опрашивались научные сотрудники НИИ и академических институтов по всем отраслям науки (за исключением медицинских и сельскохозяйственных наук), имеющие ученую степень, а также преподаватели вузов с ученой степенью, занимающиеся научно-исследовательской

¹ Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.): Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 01.11.2023).

деятельностью. Отдельное квотирование по академическим дисциплинам не осуществлялось. Респонденты отбирались из разных федеральных округов РФ, в которых сосредоточены крупные научно-исследовательские организации и университеты. Паспортчика содержала также вопросы о стаже профессиональной деятельности, по индексу Хирша, размерам дохода.

Данные по составу сформированной выборки: 1) по основному месту работы опрошенных: 265 чел. представляют вузы; 286 чел. – академические институты системы РАН и НИИ. При наличии у респондента нескольких аффилиаций его место работы определялось на основании ответа на дополнительный вопрос о том, какое из них он считает основным; 2) по ученым степеням: 378 чел. имеют ученую степень кандидата наук, 173 чел. – доктора наук; 3) по принадлежности к отраслям наук: 300 чел. представляют точные и естественные науки; 251 чел. заняты в области гуманитарных и социальных наук; 4) по месту проживания: 273 чел. проживают в Москве и Санкт-Петербурге; 278 чел. – в иных регионах.

Содержательные блоки вопросов анкеты ориентированы на сбор информации о разных видах капитала, а также факторах, дифференцирующих ученых с разными статусными позициями. Блок о цифровом капитале содержал вопросы об уровне владения цифровыми навыками, необходимыми для научно-исследовательской деятельности, о самооценке способности осваивать новые цифровые компетенции. Блок о социальном научном капитале включал фактологические вопросы об участии в коллективных исследовательских проектах, в том числе междисциплинарных научных коллективах, вопросы об опыте установления профессиональных контактов и связей, о результатах участия в совместных научных проектах с российскими и зарубежными учеными. Анкета также содержала вопросы, направленные на учет самооценок степени эффективности и креативности научной деятельности – социально-психологической компоненты научного потенциала [Luthans, Youssef-Morgan, 2017]. В частности, задавались вопросы о профессиональных мотивах, о мнениях респондентов в отношении их способности производить передовое научное знание, участвовать в научно-исследовательских проектах высокого уровня, активно участвовать в международной научной жизни и др.

Для дифференциации ученых на категории, учитывающие различие научных позиций, был введен интегральный индекс научного статуса, который включает формальные показатели институционального научного капитала и чистого научного капитала. В соответствии с описанной выше концепцией П. Бурдьё, использующего оба этих понятия, показателями институционального капитала, выражаемого позицией ученых в научных институтах, оказываются стаж работы, должность, ученая степень, ученое звание, тогда как показателем чистого научного капитала, выраженного их реальным вкладом в развитие науки, служит индекс Хирша за неимением лучших индикаторов. Валидность этих показателей также обусловлена их широким применением в практике – для формулирования квалификационных требований к должностям научных и педагогических работников в НИИ и вузах. Для приведения четырех используемых переменных к общей шкале они были нормированы к интервалу [0;1]. Суммирование четырех нормированных переменных позволило сконструировать индекс научного статуса с теоретическим минимумом равным 0 и теоретическим максимумом равным 4. Не все опрошенные смогли назвать свой индекс Хирша. Ответы этих ученых были исключены из анализа, и общий объем анализируемой выборки составил 465 респондентов. В зависимости от значений интегрального индекса все опрошенные разделены на три равные по объему группы: *ученые с низкими, средними и высокими статусными позициями*. Соответственно, значения индекса в группе ученых с низкой статусной позицией оказались в диапазоне от 0,010 до 0,540, в группе ученых со средней статусной позицией – от 0,541 до 1,170, в группе ученых с высокой статусной позицией – от 1,171 до 3,280. Данные по характеру распределения значений индекса для всей выборки приведены в табл. 1.

Для получения информации о субъективном восприятии слагаемых статусной позиции задавался вопрос о фактах, которые в большей степени говорят о *профессиональном*

Таблица 1

Описательные статистики индекса научного статуса

Показатели статистического распределения значений индекса				
Min	Max	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана
0,01	3,28	1,05	0,78	0,72

Таблица 2

Соотнесение видов капитала с атрибутами успешности ученого

Вид капитала	Атрибут успешности
Неспецифические виды капитала	
Экономический	Высокий уровень оплаты труда
Символический	Награды (ордена, медали, научные премии)
Виды научного капитала	
Институциональный капитал	Принадлежность к определенной структуре, наличие руководящей позиции в ней
Капитал научной власти	Большое количество учеников и последователей
Капитал морального авторитета	Моральный авторитет ученого
Капитал научного престижа	Международное признание
Капитал публичной известности	Широкая известность, публичность фигуры
Капитал научной известности	Большое количество публикаций, высокий уровень индекса цитируемости
Научный символический капитал	Ученые звания, ученые степени
Сетевой капитал	Большое количество подписчиков в блогах и социальных сетях

успехе ученого сегодня. Номинальная шкала вопроса о профессиональном успехе строилась по принципу соотнесения определенного вида капитала с его проявлением в виде конкретного атрибута успешности (табл. 2). Таблица приведена для пояснения возможностей дальнейшей дифференциации научного капитала. Выделенные атрибуты успешности позволили получить представление о субъективном восприятии респондентами научного статуса ученого, оцениваемого не через формальные показатели (должностное положение, стаж, уровень цитируемости), а фактически, через показатели «отдачи» от имеющегося у ученого капитала.

Социально-демографические характеристики ученых с разными научными статусами. Группа ученых с низкой статусной позицией представлена кандидатами наук. 73% обладателей данной ученой степени не имеют ученого звания (соответственно, 24,7% являются доцентами). Средний индекс Хирша в этой группе составляет 5,44. В группе ученых со средней статусной позицией также находятся кандидаты наук, среди которых 78,2% являются доцентами (соответственно, 21,8% не получили это звание). Средний индекс Хирша в этой группе составляет 9,61. В группе ученых с высокой статусной позицией преобладают доктора наук (97,4%). В этой группе 51% ученых имеют звание профессора, 23,2% – доценты, 21,3% не имеют ученого звания, оставшиеся 4,5% ученых в этой группе – академики и члены-корреспонденты РАН. В этой группе средний индекс Хирша равен 15,31. Наблюдается консистентность статусной позиции: различные виды капитала имеют тенденцию к параллельному накоплению и конвертируются друг в друга. Это справедливо и для экономического капитала: доход ученых с высокой статусной позицией в среднем выше. Ученые с различными статусными позициями отличаются с точки зрения социально-демографических характеристик (табл. 3). Так, среди ученых с высокой статусной позицией выше доля мужчин (69% в сравнении с 58,9% по выборке в целом). При этом в группе

Таблица 3

Распределение ученых с различными статусными позициями по полу и возрасту
(в % от числа опрошенных)

Параметры	Статусная позиция			Всего по выборке
	низкая	средняя	высокая	
Пол				
Мужской	56,5	51,3	69,0	58,9
Женский	43,5	48,7	31,0	41,1
Возраст				
29–39 лет	56,6	8,3	3,2	22,5
40–49 лет	31,6	34,0	14,9	26,8
50–59 лет	8,6	28,8	29,2	22,3
60–89 лет	3,3	28,8	52,6	28,4
N	154	156	155	465

ученых с низкой статусной позицией распределение мужчин и женщин не отличается от общего распределения в выборке. Более высокая доля женщин выявлена в группе ученых со средней статусной позицией (48,7% в сравнении с 41,1% по выборке в целом).

Результаты исследования (табл. 3) подтверждают присутствие в поле российской науки «эффекта Матильды» [Rossiter, 1993] – ученые-мужчины легче обретают признание в науке, более эффективно накапливают научный капитал и чаще достигают высоких статусных позиций, чем ученые-женщины. Кроме того, ученые с низкой статусной позицией в среднем моложе, среди них выше доля молодых специалистов в возрасте до 39 лет (56,6% в сравнении с 22,5% по выборке), тогда как среди ученых с высокой статусной позицией более половины старше 60 лет (52,6% в сравнении с 28,4% по выборке).

Оценка научной эффективности и исследовательская активность ученых с разными научными статусами. Ученые с высокой статусной позицией чаще уверены в своей способности производить передовое научное знание (75,5% из них так считают, в сравнении с 68,9% среди ученых с низким научным статусом), активно участвовать в научной жизни в России (81,3% в сравнении с 74% среди ученых с низким научным статусом). Как видно по результатам опроса, *ученые с низким и высоким научным статусом в данном отношении различаются не сильно*. Более того, около четверти ученых с высокой статусной позицией не отметили свою способность «производить передовое научное знание».

Полученные данные показали, что *высокая статусная позиция ученого не является определяющей для исследовательской активности*. Респонденты с разными статусами практически с равной активностью участвуют в коллективных исследовательских проектах, в том числе междисциплинарных и с привлечением иностранных участников. За последние 5 лет в коллективных исследовательских проектах участвовало 84% респондентов с низкой статусной позицией, 80% – со средней, 84,5% – с высокой. Из них в проектах с привлечением иностранных коллег участвовало 23,3% ученых с низкой статусной позицией, 22,4% – со средней и 24,4% ученых с высокой статусной позицией. Опыт участия в междисциплинарных проектах имеется у 56,3% ученых с низкой статусной позицией, у 63% ученых со средней статусной позицией и у 64% ученых с высокой статусной позицией.

Цифровой капитал ученых с разными статусными позициями. Доля уверенных в своей способности быстро осваивать новые цифровые технологии и применять последние разработки выше в группе ученых с низкой статусной позицией (73% в сравнении с 54% в группе ученых с высокой статусной позицией). Это делает их и *более уверенными в собственной востребованности как специалистов*. О своей способности быть востребованным специалистом в России объявляют 64% ученых с низкой и 56% ученых с высокой статусной позицией. В своей востребованности на международном уровне уверены 32% ученых с низкой и 27% ученых с высокой статусной позицией. *Одно из возможных*

объяснений полученных различий связано с тем, что цифровые технологии меняют правила поля науки или их восприятие: процесс накопления цифрового капитала идет параллельно с накоплением капиталов других видов и не так зависим от последних. В то же время здесь наблюдается парадокс: меньшая уверенность ученых с высокой статусной позицией в своей способности осваивать новые цифровые технологии не подтверждается различиями в оценке уровня владения цифровыми компетенциями учеными с разной статусной позицией. Ученые с низкой и высокой статусной позицией одинаково оценивают свой уровень владения как простыми (работа в MS Office, со специализированным ПО, базами данных литературы и периодики и т.п.), так и сложными (работа с СУБД, языками программирования и т.п.) цифровыми навыками.

Проявление эффекта Матфея в поле российской науки. Значимые различия между учеными с разным статусом обнаруживаются в коммуникативных паттернах и практиках установления профессиональных связей. Исследователи с высокой статусной позицией чаще отмечают, что они легко устанавливают профессиональные связи с российскими коллегами, часто переходящие в устойчивые научные контакты (44,5% из них в сравнении с 17% среди ученых с низкой статусной позицией). Среди ученых с низким статусом выше доля тех, кто испытывает трудности при установлении новых профессиональных контактов (29%), тогда как ученые с высоким статусом реже отмечают эту проблему (19,4%).

Аналогичные тенденции наблюдаются при анализе взаимодействия российских ученых с зарубежными коллегами. Среди ученых с высоким статусом 42,6% утверждают, что им легко заводить профессиональные контакты с зарубежными учеными, тогда как среди ученых с низким статусом доля таких исследователей составила 24,7%. Опыт сотрудничества с учеными из других стран чаще имеют ученые с высоким статусом (80,6% в этой группе в сравнении с 52,6% в группе ученых с низким статусом).

В целом по выборке лишь 9,5% ученых целенаправленно занимаются установлением профессиональных контактов и связей. Более половины опрошенных не занимаются этим специально, но используют любую возможность для установления новых профессиональных знакомств. Каждый пятый ученый отметил, что не выступает инициатором новых профессиональных контактов, а профессиональные контакты 11,4% исследователей носят случайный характер. При этом опрошенные ученые с высоким статусом имеют более широкую сеть профессиональных контактов, в сравнении с учеными с низким статусом (табл. 4). В среднем они поддерживают регулярные связи с 20 российскими и 7 зарубежными коллегами, тогда как ученые с низким статусом имеют в среднем 12 устойчивых контактов с российскими и 4 контакта с зарубежными коллегами. Эти различия сохраняются и при сравнении ученых с разными статусными позициями, относящихся к одной возрастной группе.

Рассуждая о наиболее частых практиках установления профессиональных контактов в научном сообществе в целом, ученые в первую очередь отмечают встречи на конференциях (86,6%), на втором месте установление новых знакомств через коллег, знакомых (72,8%). При этом среди ученых с низкой статусной позицией такой способ установления новых знакомств распространен больше (83%), что говорит о высокой важности для них слабых связей. Они также чаще упоминают формальное общение через организацию как способ установления новых контактов (14,9% в сравнении с 3,9% среди ученых с высоким

Таблица 4

Количество коллег, с которыми поддерживаются регулярные связи среди ученых с разной статусной позицией

Статусная позиция	Российские коллеги	Зарубежные коллеги
Низкая	12,0	4,0
Средняя	13,7	4,9
Высокая	20,0	6,9
Всего по выборке	15,4	5,7

статусом). Более низкий научный статус способствует и более *позитивной* оценке совместной исследовательской деятельности. Ученые с более низким научным статусом несколько чаще отмечают, что участие в совместных проектах с другими российскими учеными способствовало увеличению их профессиональных знаний и навыков и расширению карьерных возможностей.

Структура научного капитала в восприятии ученых. Ответы респондентов на вопрос об атрибутах профессионального успеха ученого позволили получить представление об идеальном распределении видов научного капитала, посредством которого структурируются статусные позиции российских ученых. С большим отрывом перевешивает все другие виды научного капитала *капитал научной власти*, содержание которого было определено как наличие большого количества учеников и последователей. Более 60% от всех опрошенных указали на эту позицию в качестве маркера профессионального успеха ученого. Данная трактовка отличается от предложенной П. Бурдые, который включал в капитал научной власти руководство научным коллективом. Используемое в нашем исследовании содержание капитала позволяет более широко посмотреть на этот вид капитала и трактовать его не только с позиции институционального руководства, но и с позиции *формирования научной школы*. На втором месте в среднем по выборке оказался капитал научного престижа (международное признание). На него указало чуть более 44% всех респондентов. В тройке лидеров также оказался моральный авторитет ученого – на него указало 38% от всех опрошенных. Следующий ярус в структуре распределения капиталов в среднем по выборке занимают капитал интеллектуальной известности (большое число публикаций, высокий уровень индекса цитируемости) и научный символический капитал (табл. 5).

Внутри подвыборок веса и рейтинги атрибутов профессионального успеха распределились иначе, чем в среднем по выборке. Для участвующих в опросе представителей точных и естественных наук на втором месте стоит капитал научного престижа (атрибут международного признания набрал более 50%), а на третье место (41%) вышел капитал научной известности, выраженный в высоком индексе научного цитирования. Для представителей социально-гуманитарных наук значения этих показателей составили 36% и 26% соответственно. В их рейтинге капиталов на втором месте оказался моральный авторитет ученого, который сместил «международное признание» на третью позицию.

На последних строчках рейтинга оказался институциональный капитал (должность) и сетевой капитал ученого. Они набрали всего 1,5 и 0,7% соответственно.

Таблица 5

Распределение мнений ученых о значимости атрибутов профессионального успеха
(% от числа респондентов, множественный выбор)

Индикаторы профессионального успеха	Всего	Научная область	
		точные и естественные науки	гуманитарные науки
Большое количество учеников и последователей	61,5	60,7	62,5
Международное признание	44,1	51,0	35,9
Высокий уровень морального авторитета	38,3	36,7	40,2
Высокий уровень индекса цитируемости	34,1	41,0	25,9
Ученые звания, степень	24,5	22,0	27,5
Большое количество публикаций	23,0	26,0	19,5
Широкая известность, публичность фигуры	15,8	11,7	20,7
Высокий уровень оплаты труда	15,4	12,0	19,5
Награды (ордена, медали, научные премии)	4,7	3,3	6,4
Высокая должность	1,5	0,7	2,4
Большое количество подписчиков в блогах, социальных сетях	0,7	0,3	1,2

Соотнесение рангов атрибутов успешности способствовало выявлению еще одной проблемной зоны отечественной науки – наличия в восприятии ученых разрыва между чистым научным и институциональным видами научного капитала. Такие атрибуты успешности, как большое количество учеников, международное признание, высокий уровень морального авторитета, респонденты фактически противопоставляют формальным атрибутам: наличие ученого звания, ученой степени и высокой должности. Можно предположить, что это связано не столько с реальным разрывом между этими видами научного капитала, сколько с негативной оценкой учеными практик формализации научной деятельности, к которым относится в том числе и введение наукометрических показателей.

В то же время наиболее значимые атрибуты успеха, выделенные учеными, в целом согласуются с формальными атрибутами научного статуса. Так, например, в условиях цифровизации мировое признание связывается с включенностью в международные базы публикаций и с наличием цитирований, а также с вовлеченностью в международные научно-исследовательские структуры и организации, то есть с наличием определенных должностей. По всей вероятности, высокий уровень индекса цитируемости особо ценится представителями точных и естественных наук, поскольку индекс Хирша, изначально разработанный для оценки ученых, работающих в области теоретической физики, является достаточно весомым индикатором вклада в науку именно для точных наук. Многие представители социально-гуманитарных наук настроены более скептически.

Заключение. Предложенная в рамках авторского исследования методология позволяет рельефно «расчертить» поле российской науки, обозначить зоны разрывов и противоречий внутри него. Расширенное применение подхода П. Бурдьё к распределению капиталов в науке дает возможность эмпирически исследовать статусную дифференциацию в разных направлениях. Во-первых, можно посмотреть на неравенства сквозь призму статусных позиций российских ученых, которые соотносятся с формальными показателями статуса и содержат институциональный и чистый виды научного капитала (стаж профессиональной деятельности, значения индекса Хирша, ученое звание и ученую степень). Во-вторых, в анализ научного поля включаются актуальные научно-исследовательские фокусы, формирующие исследовательскую повестку сегодня (цифровизация науки, новые коммуникативные практики, гендерный фактор). В-третьих, возможно исследовать восприятие статусных позиций через оценку атрибутов профессионального успеха как показателей «отдачи» от разных видов капиталов.

Показано, что неоднородность «рельефа» определяется факторами и капиталами, дифференцирующими ученых с разными статусными позициями – гендерным, возрастным, коммуникативным, цифровым. На эмпирических данных подтвердились как эффект Матильды, так и эффект Матфея. Первый эффект проявился в том, что в категории «доминирующих» чаще представлены мужчины. Эффект Матфея проявился в дефиците коммуникативного, социального и символического капитала у ученых с низкой статусной позицией, которые, как правило, относятся к категории молодых исследователей. Высокостатусные ученые не только обладают большим по объему социальным научным капиталом, но и легче устанавливают профессиональные контакты, налаживают устойчивые профессиональные связи и поддерживают регулярные научные коммуникации с большим количеством отечественных и зарубежных коллег. Выявленные различия между статусными позициями ученых показывают, что сетевые формы коммуникации пока не компенсируют нехватку коммуникативного, социального и символического капитала. Для исследователей с более низким статусом большую значимость сохраняет мобилизация имеющихся в их распоряжении институциональных связей (личные знакомства), позволяющих преодолеть нехватку этих видов капитала.

По результатам исследований можно судить о наличии противоречий между формальным доминированием в поле науки и самовосприятием возможности вносить вклад в передовое научное знание; между формальными характеристиками научного статуса и субъективными показателями «отдачи» от научного капитала. Вероятно, разрешение

этих противоречий средствами научной политики, включая обновление национальной системы оценки работы ученых, научных групп и коллективов, будет способствовать развитию потенциала российской науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С. «Эффект Матфея»: накопленное преимущество и распределение статусов в науке // *Вестник прикладной этики*. 2001. № 18. С. 161–172.
- Бурдьё П. *Homo academicus*. М.: Ин-т Гайдара, 2018.
- Бурдьё П. Клиническая социология поля науки// Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук / Под ред. Н.А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2001. С. 49–95.
- Бурдьё П. Поле науки // *Социальное пространство: поля и практики*/ Пер. с франц.; отв. ред., сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–517.
- Володарская Е.А., Киселева В.В. Неравенство ученых – новая особенность российской науки // *Социология науки и технологий*. 2011. № 2. С. 52–60.
- Гримов О.А. Ученые в научных социальных сетях: коммуникативные практики, профессиональные связи и коллаборации // *Наукоевческие исследования*. 2022. № 1. С. 164–182.
- Крейн Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» // *Коммуникация в современной науке* / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 183–218.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Мертон Р. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // *THESIS*. 1993. № 3. С. 256–276.
- Неделевская И.Г. Парадокс эффекта Матфея в науке и его социологическое решение // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023. № 1. С. 33–39.
- Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И., Галицкая Д.В. Цифровые компетенции преподавателей в системе академического развития высшей школы: опыт эмпирического исследования // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 1. С. 159–168.
- Прайс Д.Дж. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // *Коммуникация в современной науке* / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 93–109.
- Прайс Д.Дж., Бивер Д.Б. Сотрудничество в «невидимом колледже» // *Коммуникация в современной науке* / Под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 335–350.
- Bultitude K. The Why and How of Science Communication// In: *Science Communication* /Ed. by P. Rosulek. Pilsen: European Commission, 2011. P. 1–18.
- Luthans F., Youssef-Morgan C.M. Psychological Capital: An Evidence-Based Positive Approach// *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2017. No. 4. P. 339–366.
- Merton R. The Matthew Effect in Science // *Science*. 1968. Vol. 5. No. 159. P. 56–63.
- Rossiter M.W. The Matthew Matilda Effect in Science // *Social Studies of Science*. 1993. Vol. 23. No. 2. P. 325–341.

Статья поступила: 05.06.23. Финальная версия: 01.11.23. Принята к публикации: 09.11.23.

STATUS POSITIONS AND SCIENTIFIC CAPITAL IN RUSSIAN SCIENCE

NOSKOVA A.V.*, GOLOUKHOVA D.V.*, KUZMINA E.I.*

*MGIMO University, Russia

Antonina V. NOSKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (a.noskova@inno.mgimo.ru); Darya V. GOLOUKHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (d.v.goloukhova@inno.mgimo.ru); Elena I. KUZMINA, Cand. Sci. (Sociol.), Assist. Prof. (e.kuzmina@inno.mgimo.ru). All – Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

Abstract. The paper addresses scientific capital distribution and describes status positions of scientists in the field of modern Russian science. Inequalities in science are associated with a variety of factors including gender, wealth, symbolic and moral authority etc. However, technological development has emphasized the significance of new inequality forms based on digital and networking skills. An important question is how these new inequality factors change the field of science. The theoretical and methodological framework of the paper is based on the ideas of R. Merton on the differentiated allocation of rewards, as well as the provisions of P. Bourdieu on dominance in the field of science and on the types of scientific capital. The authors present the result of an online survey of Russian scientists (N=551), the aim of which was to identify the gaps and contradictions within the field of Russian science. To differentiate between the status positions of scientists the authors constructed an integral index of scientific status, according to which all the scientists were divided into three categories with low, medium and high status positions. Empirical data show that there is a contradiction between the scientific dominance based on formal status, and the one based on the production of advanced scientific knowledge. Formal characteristics of the scientific status do not fully reflect subjective perception of the return on the accumulated scientific capital. It is suggested that the elimination of contradictions by means of science policies may contribute to the development of Russian science.

Keywords: field of Russian science, scientific capital, inequalities in science, scientific status positions, Matthew effect, social ties in science, dominance in science.

REFERENCES

- Batygin G.S. (2001) «The Matthew effect»: the accumulated advantage and the distribution of statuses in science. *Bulletin of Applied Ethics*. No. 18: 161–172. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2001) Clinical sociology of the scientific field. In: *Socioanalysis of Pierre Bourdieu*. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Ed. by Shmatko N.A. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia: 49–95. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2005) Field of science. In: *Social space: fields and practices*. Ed. by N.A. Shmatko. Moscow: IES; St. Petersburg: Aletheia: 473–517. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2018) *Homo academicus*. Moscow: In-tGaidara. (In Russ.)
- Bultitude K. (2011) The Why and How of Science Communication. In: *Science Communication*. Ed. by Ro-sulek P. Pilsen: European Commission: 1–18.
- Crane D. (1976) Social structure in a group of scientists: a test of the «invisible college» hypothesis. In: *Communication in modern science*. Ed. by E.M. Mirsky and V.N. Sadovsky. Moscow: Progress: 183–218. (In Russ.)
- Grimov O.A. (2022) Scientists in scientific social networks: communicative practices, professional connections and collaborations. *Science studies [Naukovcheskie issledovaniya]*. No. 1: 164–182. (In Russ.)
- Luthans F., Youssef-Morgan C. M. (2017) Psychological Capital: An Evidence-Based Positive Approach. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. No. 4: 339–366.
- Merton R. (1968) The Matthew Effect in Science. *Science*. Vol. 5. No. 159: 56–63.
- Merton R. (1993) The Matthew effect in science, II: cumulative advantage and the symbolism of intellectual property. *THESIS*. No. 3: 256–276. (In Russ.)
- Merton R. (2006) *Social theory and social structure*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Nedelevskaia I.G. (2023) The paradox of the Matthew effect in science and its sociological solution. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta [Journal of the Belarusian State University. Sociology]*. No. 1: 33–39. (In Russ.)

- Noskova A.V., Goloukhova D.V., Kuzmina E.I., Galitskaya D.V. (2022) Digital Competences of Teachers in the Higher Education Academic Development System: Experience of the Empirical Research. *Vysheeeobrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Vol. 31. No. 1: 159–168. (In Russ.)
- Price D.J., Beaver D. (1976) Collaboration in an invisible college. In: *Communication in modern science*. Ed. by E.M. Mirsky, V.N. Sadovsky. Moscow: Progress: 335–350. (In Russ.)
- Price D.J. (1976) Trends in the development of scientific communication – past, present, future. In: *Communication in modern science*. Ed. by E.M. Mirsky, V.N. Sadovsky. Moscow: Progress: 93–109. (In Russ.)
- Rossiter M.W. (1993) The Matthew Matilda Effect in Science. *Social Studies of Science*. Vol. 23. No. 2: 325–341.
- Volodarskaya E., Kiseleva V. (2011) Inequality of Scientists – New Feature of the Russian Science. *Sociologiya nauki i tehnologii* [Sociology of science and technology]. Vol. 2. No. 4: 52–60. (In Russ.)

Received: 05.06.23. Final version: 01.11.23. Accepted: 09.11.23.